

Эрих фон Нефф

ОПЕРА ЦЮАНЬШАН В «ДОМЕ УПОИТЕЛЬНОЙ ГАРМОНИИ»

*THE QUAN SHANG OPERA In The
House Of Delirious Harmony
Erich von Neff*

Перевод с английского: Олег Кустов

Эрих фон Нефф — американский писатель из Сан-Франциско. Родился в 1939 г. Окончил школу имени Джорджа Вашингтона в 1957 году, затем проходил военную службу в Корпусе морской пехоты США. В 1964 году окончил государственный университет Сан-Франциско со степенью бакалавр искусств, в 1974 году получил степень магистра. В период с 1980 по 1981 год проходил аспирантуру в университете Данди, в Шотландии, затем получил степень магистра философии.

Эрих фон Нефф известен во французском литературном авангардизме. Он состоит в обществе «Французских Поэтов», а также в «Обществе французских поэтов и художников».

Опубликовал несколько книг поэзии и прозы в французских переводах.

Книга Эриха фон Неффа *Prostitutes by the Side of the Road* (*Prostituées au Bord de la Route*) была выпущена французским издательством «Cahiers de Nuit» в 1999 г. на деньги, полученные в виде гранта от Регионального Литературного Центра Нижней Нормандии.

Сборник стихов *Les Putains Cocainomanes* («Кокаиновые шлюхи») был выпущен издательством «Cahiers de Nuit» в 1998 г. В год выпуска Мари Андре Бальбастр рассказывала о сборнике на парижской радиостанции 96.2 FM и зачитала поэму#45.

Русские переводы отдельных произведений Эриха фон Неффа публиковались в журналах «Зарубежные задворки», «Эдита», «Новый берег», «Ликбез», «Дон», «Слово», «Аконит», «7 искусств», а также сборниках «Строки на веере» и «ARONAXX I». В 2019 году в независимом издательстве «Чтиво» (Санкт-Петербург) вышел русский перевод книги «Проститутки на обочине» (*Prostitutes by the Side of the Road*).

1

Где же она?

Гэри Цюань смотрел на улицу сквозь тонкие полупрозрачные занавеси. Улица была безлюдна. Он взглянул на часы. Самолёт приземлился в

международном аэропорту Сан-Франциско уже два часа назад, а её до сих пор нет.

По улице проехал небольшой фургон, остановился возле дверей склада на другой стороне. Из фургона вышли два человека в тёмной одежде. Один, немного повозившись с замком на низовых воротах, открыл дверь склада, затем мужчины скрылись внутри. У Гэри мелькнула мысль, что надо бы позвонить в полицию. А может и не стоит... Здесь, в китайском квартале, где орудуют уличные банды и наркоторговцы, лучше помалкивать о том, что видел. Вскоре сомнительная парочка показалась снова, они тащили тяжёлый ящик. Один костерил другого на чём свет стоит, было слышно даже через улицу. Затолкав ящик в фургон, они закрыли ворота, потом влезли в кабину пикапа и укатили.

Улица снова опустела. Гэри хотелось, чтобы за окном проехала другая машина, или проковылял пьяный прохожий... Что угодно, лишь бы убить время.

Где она запропастилась? Может, таможенники прицепились из-за какой-нибудь ерунды?..

И тут он увидел жёлтое такси, выворачивающее из-за угла. Водитель резко затормозил, вылез из машины, небрежно хлопнув дверцей. Таксист был не то индус, не то пакистанец, одетый в какой-то халат, с тюрбаном на

голове. Он торопливо подбежал к дверям и принялся громко стучать. Гэри помедлил, прежде чем открыть дверь. Таксист тут же протянул открытую ладонь.

— Тридцать долларов, пожалуйста, — сказал он вежливо, но твёрдо.

— Тридцать? — переспросил Гэри.

— Именно это я и сказал.

— Погоди минутку.

Гэри прошёл вглубь квартиры, открыл запертый на ключ ящик стенного шкафа. В ящике лежала кучка мятых купюр различного достоинства и горстка мелочи. Гэри выбрал одну десятку, две пятёрки, восемь бумажек по доллару, остальное нагрёб мелочью. Затем он вернулся к дверям, опасаясь, что таксист начинает терять терпение. Таксист снова протянул руку ладонью кверху.

— Подставляй обе, — сказал Гэри и вывалил деньги тому в пригоршню.

Таксист вернулся к машине, рассыпал деньги по переднему сиденью и пересчитал. Затем вернулся обратно и снова протянул руку.

— Чаевых от меня не получишь, — сказал Гэри.

Таксист разразился проклятиями на своём языке, потом перешёл на английский.

— Китайцы! С ними вечно одно и то же. — Он отрывисто постучал в окно задней дверцы.

Открылась задняя дверь с другой стороны, пассажирка вышла. Таксист плюхнулся на сиденье, завёл мотор и умчался прочь.

Гэри посмотрел на женщину, что стояла напротив. Она молча ждала, опустив лицо; он видел лишь тёмный силуэт.

— Я — Гэри Цюань, — сказал он.

Всё так же не поднимая глаз, она медленно шагнула навстречу, прошла мимо него и нерешительно остановилась возле дверей. Надо же, какая скромная. Гэри предпочёл бы белую женщину, или мексиканскую, или даже чёрную. Раскованную. Пускай бы вышла из такси с бутылкой пива в одной руке и с сигаретой в другой. Эта же слишком отчуждённая, слишком *традиционная* .

Гэри пожал плечами, вздохнул. Ладно, что уж там, надо впустить будущую жену в дом.

2

Мей-Фан Чун готовила праздничный завтрак для дочери. Она положила на стол лист красной бумаги, затем аккуратно очистила от скорлупы два только что сваренных вкрутую яйца. Положив очищенное яйцо на бумагу, Мей-Фан стала катать его взад и вперёд, пока оно не окрасилось в такой же багряный цвет. Затем Мей-Фан проделала то же

самое со вторым яйцом. Закончив разукрашивать яйца, она добавила их на продолговатую, очертаньями похожую на рыбу, тарелку, где уже лежала пригоршня отварного риса. Мей-Фан зажгла тонкую свечку и мягким голосом позвала дочь:

— Сань-Сань, поди-ка сюда.

Девушка пришла на зов. Увидев тарелку с кушаньем, сдержанно улыбнулась: в Китае красный цвет означал удачу. На прошлый день рождения мать приготовила ей рис и одно красное яйцо. На этот день рождения красных яиц было уже два. Наверное, вскоре обязательно случится что-то хорошее... Сань-Сань задула свечу и принялась за еду, ловко подхватывая рисинки палочками для еды. Мей-Фан с улыбкой смотрела на дочь, восхищаясь аккуратными и грациозными движениями её рук.

Сань-Сань взглянула на мать, улыбнулась в ответ, затем взяла яйцо и откусила маленький кусочек. Она не спешила, желая как следует распробовать вкус еды.

В комнату вошёл отец девушки. Сань-Сань положила яйцо на тарелку, опустила голову.

— У нас что, опять времена Конфуция настали? — рассмеялся Бао-Вей Чун. — Сегодня же твой день рождения. Ешь.

Сань-Сань снова взялась за яйцо, всё же чувствуя неловкость.

— Не волнуйся, я не похудею, — сказал Бао-Вей, похлопывая себя по обширному животу.

Отец по праву гордился дочерью. Два месяца назад Сань-Сань окончила университет имени Сунь Ятсена с дипломом экономиста, а ведь ей только двадцать лет. Во многих дисциплинах она была лучшей или в числе лучших. Если какой-то предмет давался Сань-Сань с трудом, она засиживалась с учебниками до поздней ночи. Порой Бао-Вей даже начинал беспокоиться о её зрении.

Мей-Фан не могла дождаться, когда дочь закончит завтрак.

— Сань-Сань, — сказала она, — мы приготовили тебе сюрприз.

Бао-Вей вышел из комнаты и вернулся с большим свёртком из коричневой бумаги, перевязанным лентой. Он положил свёрток на стол перед дочерью.

Сань-Сань положила яйцо на тарелку. Потянув за край ленты, развязала узел, потом развернула бумагу.

— Ой! — воскликнула Сань-Сань, взглянув на родителей. — Блузка из шёлка. Это мне?

— Конечно, — сказала Мей-Фан.

Сань-Сань бережно взяла блузку в руки, поднесла к лицу, вдохнув запах ткани. Бао-Вей одобрительно улыбнулся; его дочь понимала толк в изящных вещах. Вроде того резного сундука из

камфорного дерева, что достался по наследству от бабушки. Бабушкина традиционная одежда, *пей*, до сих пор хранится в том сундуке. Бао-Вей не раз наблюдал, как Сань-Сань открывает сундук, аккуратно достаёт пей, прижимает к лицу, вдыхая аромат ткани, а затем убирает одежду обратно и закрывает сундук. Сань-Сань никогда не спрашивала отца про бабушку, и сам он тоже ничего про неё не рассказывал. Похоже, для Сань-Сань достаточно было одного аромата семейной истории.

А сейчас она держала в руках новую белую блузку, приложила к груди.

— Какая красивая.

Налюбовавшись, Сань-Сань сложила блузку и снова завернула её в бумагу.

«Удивительно, как она похожа сразу и на дитя, и на взрослую женщину, — подумала Мей-Фан. — А эти красные яйца на тарелке. Словно её созревшие яичники, готовые к замужеству».

— Сань-Сань, — Мей-Фан не знала, как начать важный разговор, — помнишь моего брата Юаня?

Дочь кивнула, слушая внимательно. Как всегда.

— Хотя тебе же было только три года, когда он уехал в Америку... В общем, теперь он живет в

Сан-Франциско, владеет бензозаправкой. А ещё у него есть друг, который держит прачечную и...

Сань-Сань смотрела, как мать теребит в руках письмо от дяди Юаня, и понимала — вот, случилось.

— Он тут пишет, что его друг ищет добропорядочную невесту из Китая, и Юань рассказал про тебя. Вот так, — быстро проговорила Мей-Фан. Она так ни разу и не заглянула в письмо, просто держала его в руках, как будто для большей уверенности.

Сань-Сань была потрясена, она не находила слов. Неужели она не ослышалась? И что ей теперь делать, готовиться к свадьбе? В такой день...

— Послушай меня, доченька, — сказала Мей-Фан. — Два месяца назад ты окончила университет, а теперь работаешь обычной продавщицей в магазине. Да, может быть, ты заслужишь повышение, может быть, сумеешь найти другую работу. Но подумай сама: у тебя есть шанс уехать в Америку, есть шанс на лучшую жизнь.

Лучшая жизнь? Сань-Сань была не уверена, что ей этого хочется. Она вполне была счастлива здесь, в Гуанчжоу. И как же теперь её парень, Лин Чао? Они ведь уже занимались любовью, строили совместные планы на будущее... Сань-Сань посмотрела на отца, ища его поддержки, но он, похоже, полностью смирился с непреклонной волей

жены, желающей обустроить счастье дочери по своему разумению.

Так странно было слышать слова, словно произнесённые чужими губами:

— Да, мама. Я поеду в Америку.

Сань-Сань сама не знала, почему она так сказала. Но она это сказала, хотя душа была не на месте.

А может, она на самом деле хотела пуститься в отчаянное приключение.

3

Всё произошло так быстро.

Лайнер компании «Эйр Чайна» подлетал к Сан-Франциско, а Сань-Сань всё ещё никак не могла прийти в себя. Она сидела в середине салона, возле иллюминатора. Под крылом самолёта была видна россыпь мерцающих огней огромного города. Семейная пара, сидевшая впереди, говорила по-английски. Сань-Сань силилась разобрать слова, но, хотя она четыре года изучала английский язык в университете, для неё разговор был похож на бессвязное бормотание. Сидевшая рядом женщина спала, сжимая в руках глянцевый журнал, который начала читать во время перелёта.

Сань-Сань чувствовала себя одиноко. Она подумала о своих родителях. Чем они сейчас